

Четвериков Иван Пименович: данные биографии #2

Сизинцев Павел Васильевич

Московская духовная академия, Россия

e-mail: sizinpash61@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена критическому осмыслению различных этапов и биографических эпизодов жизни профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова как в царской России и СССР, так и в Западной Европе (включая дату и статус его рождения, учебу в духовных учебных учреждениях, научную и преподавательскую деятельность до и после 1917 г., арест, следствие, ссылку и жизнь в оккупации и за границей). Автором показана научная несостоятельность различных версий биографии, опубликованных на момент выхода данной статьи в зарубежных и отечественных источниках, а также на многочисленных интернет-сайтах.

Ключевые слова: Переписка, академик, анкеты, пенсионный возраст, трехлетняя ссылка, лишенец, контрреволюция, репрессии, война, оккупация, дата рождения, приват-доцент, зарубежные издания.

Chetverikov Ivan Pimenovich: facts of biography #2

Sizintsev Pavel Vasilievich

Moscow Theological Academy, Russia

e-mail: sizinpash61@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a critical understanding of the various stages and biographical episodes in the life of professor of psychology of Kiev Theological Academy I.P. Chetverikov both in tsarist Russia and the Soviet Union and in Western Europe. (Including the date and status of his birth, study in religious educational institutions, scientific and teaching activities before and after 1917, the arrest, the investigation and the link of the OGPU and life under occupation or abroad). The author shows the scientific groundlessness of different versions of the biography published at the time of this article, in foreign and domestic sources, as well as on numerous Internet sites.

Keywords: Correspondence, academician, questionnaire, retirement age, three-year exile, disenfranchised, counter-revolution, repression, war, occupation, birth date, privat-docent, foreign editions.

Данная статья посвящена критическому осмыслению различных этапов и биографических эпизодов жизни профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова, которые превратились в устойчивые мифы.

При анализе переписки сына Ивана Пименовича Четверикова Николая с академиком АН СССР В.И. Вернадским (1863-1945) на основании архивных документов установлено, что, будучи срочным военнослужащим, 03.02.1942 г. Н.И. Четвериков писал академику, особо указав, что он сын Ивана Пименовича Четверикова... Около года я ничего не получаю от отца... Не могли бы вы через Наталью Дмитриевну Шаховскую узнать о его судьбе. Он оставался в Малоярославце; несмотря на мои неоднократные запросы, никаких известий о нем я не получил. Вы меня крайне обяжете, если сообщите что-нибудь о нем. Уважающий вас Н.И. Четвериков [2, Л. 1]. Письмо было из воинской части 224, дислоцированной в г. Баку, из чего следует очевидный вывод, о том, что на тот период войны Николай Четвериков (1922-2013) в прямых боевых действиях участия не принимал. Также из письма сына И.П. Четверикова В.И. Вернадскому следует, что в Красную Армию его отец, 61-летний по анкетным данным старик пенсионного возраста, ссыльнопоселенец, осужденный по антисоветской статье 58-11, не был призван. Иначе бы об этом, безусловно, знал бы любящий его родной сын и искал бы отца через внутренние запросы о родственниках по линии РККА СССР, что было распространено в среде военнослужащих того времени, и это можно было очень легко сделать.

В письме важна фраза «около года я ничего не получаю от отца», ибо подтверждается мысль о том, что отец и сын расстались весной 1941 г., и далее – с уверенностью об отце – что он «оставался в Малоярославце», когда туда пришла война, и в город вошли фашисты, что полностью дезавуирует абсурдную версию эмигрантских источников о призыве Ивана Пименовича в Красную Армию, которая бездумно переносится исследователями из одной статьи в другую.

Дело в том, что в зарубежных источниках о периоде 1941 г. в жизни И.П. Четверикова с легкой руки эмигрантских биографических сборников усиленно муссировалось ни на чем не основанное утверждение о том, что якобы 61-летний философ и психолог, имевший статус «социально-чуждого элемента» общества, осужденный в 1933 г. ОГПУ СССР по статье 58-11 УК РСФСР «Контрреволюционные преступления» и приговоренный к ссылке, был призван, т.е. мобилизован в Красную Армию [27, С. 222] в довоенный период. Это совершенное измышление, открыто противоречащее как военному законодательству СССР, запрещающему призыв на военную службу ранее осужденных за «контрреволюционные преступления», имевших официальный

юридический статус «социально-чуждых» в советском обществе в 30-40-е годы XX в.

Так называемые «враги народа» в глазах советского государства автоматически лишались ряда социальных прав – от права избирать власть до права служить советской власти в любых государственных органах, тем более, в действующей армии. В этот период советское государство официально проводило политику уничтожения религии, используя политику репрессий и ограничения общегражданских прав. Такого рода репрессиям и был подвергнут И.П. Четвериков за скрытую, по мнению властей, «подготовку антисоветских кадров из церковников». Подпункт ст. 58-11 – «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений» – в отношении И.П. Четверикова автоматически включал вид преступлений, определенный в ст. 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти..., а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». Вся православная литература в рамках этих понятий считалась «антисоветской» литературой, а преподавательская работа И.П. Четверикова – антисоветской деятельностью с целью подрыва или ослабления Советской власти. И такого бывшего преступника, «врага народа» да еще на седьмом десятке лет, по мнению эмигранта Н.М. Зернова (1898-1980), могли призвать в Красную Армию? Подобная гипотеза не имеет под собой никаких оснований, даже если ее высказывает почетный доктор Оксфордского университета и автор книг на русском и английском языках по истории России, православной церкви и проблеме единения христианства. Налицо полная оторванность составителя эмигрантского сборника Н.М. Зернова и близкого знакомого Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963) от знания и понимания реалий довоенного СССР.

Такие люди, как И.П. Четвериков, в СССР без всякого суда и без всякой вины, по точному выражению В.И. Вернадского, были в положении парии [4, С. 250]. На языке культурных людей слово «пария» имело значение «отверженный», «бесправный». С легкой руки немецкого социолога Максимилиана Вебера (1864-1920) так именовалась бесправная группа населения, лишённая необходимых социальных контактов и возможности вхождения в другие социальные группы. Обычно такая группа имела свою идеологию, оправдывающую бесправие и презрение со стороны государства, как правило, это были «бывшие люди», имевшие высокое социальное положение до богоборческой революции 1917 г.; именно они, в первую

очередь, были лишены от всех гражданских прав, политических и социальных свобод.

Репрессии по отношению к духовенству и верующим занимали особое место в репрессивной политике Советского государства, где одной из стратегических целей была полная ликвидация православных религиозных пережитков, а тактической задачей 6 отдела ОГПУ СССР – создание условий для такой ликвидации.

Лишение гражданских прав, как следствие осуждения по 58 статье УК РСФСР, сразу поставило Ивана Пименовича Четверикова в возрасте 53 лет в разряд отверженных, он становился «лишенцем», постоянно находившимся под подозрением властей, обязанный систематически регистрироваться в административном отделе местных органов власти, а как проживающий в статусе социально-чуждого элемента [4, С. 251] не мог покидать данную территорию – г. Малоярославец, т.к. по закону был лишен права проживания в крупных городах [4, С. 222].

И.П. Четвериков не имел права служить в армии, «лишенцы» призывались на службу лишь в тыловое ополчение, они не имели права получать пособие по безработице и пенсию. Он мог получить работу только без права жительства в Москве [5, С. 346], т.е. он не мог жить вместе со своей семьей в Москве [4, С. 351], что для него, глубокого знатока древнегреческой философии и нескольких иностранных языков было смерти подобно, т.к. работы по такому профилю в разгромленной сталинскими «реформами образования, педологии и педагогики» провинции просто не было.

Акцент на возрасте Четверикова имеет важнейшее значение для разоблачения эмигрантской версии о его мифической мобилизации «в Красную Армию», поскольку, будучи по анкетным данным 1880 г. рождения (а фактически, даже на 5 лет старше!), он не попадал даже в призыв тылового ополчения РККА.

Для подтверждения этого, а также для проверки истинной цены голословных утверждений составителей эмигрантских справочников, никогда не бывавших в сталинской России, обратимся непосредственно к советским документам. Процесс открытой мобилизации в СССР с началом войны носил особый характер. Начавшись с 23.06.1941 г. и в течение последующих 7 суток [13], по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. призывались обученные воины запаса 1918-1905 г.р. 1-й категории 1-й очереди, прошедшие действительную военную службу [13]. Этот мобилизационный процесс был четко распланирован еще с начала августа 1940 г. до середины июня 1941 г. Возраст набора – 23-38 лет, в данную категорию набора И.П. Четвериков не попал бы, даже если бы он не был «врагом народа». Иван

Пименович не имел никакой военной специальности, никогда не служил на военной службе и на момент начала военных действий – 22 июня 1941 г. – имел анкетный возраст 61 полный год. О каком призыве пожилого человека при таких жестких мобилизационных требованиях РККА СССР вообще можно серьезно говорить и, тем более, распространять в виде биографического свидетельства? Налицо явная научно-биографическая безответственность всех публикаций о службе И.П. Четверикова в Красной Армии.

Кроме вышеизложенной аргументации, основанной на документах и исследованиях, существуют еще и дневниковые свидетельства ученого с мировым именем и безупречной моральной репутацией, которого не посмел тронуть даже сталинский режим – академика АН СССР В.И. Вернадского. Судя по записям его дневника, И.П. Четвериков и Владимир Иванович продолжали общение до 1941 г., о чем Вернадский записал следующее:

В Малоярославце <оставался> проф[ессор] Ив[ан] Пим[енович] Четвериков, бывший профессор Киевск[ого] Унив[ерситета], занимавшийся греческой философией и действительно, – без всякой вины, кроме того, что он верующий православный, без всякого суда и без всякой вины оказался в положении парии. Он не мог жить в Москве, скрывался, когда посещал семью (жена и сын), «и вынужден был тайно про» живать в Москве и брать там работу, как специалист по др[евне]греческой философии. И так <продолжалось> более 20 лет [4, С. 250]. Затем в том же дневнике он оставляет еще более ценное личное свидетельство о взаимоотношениях с Иваном Пименовичем в записи от 26.06.1942: У меня он брал книги и весной 1941 г. взял лучшее новое греческое издание ... Я просил его выяснить тексты, на которых основывался Peirce, указывая, что его <Ч. Пирса> логика вещей противоречит Логике Аристотеля [4, С. 250-251].

Следует заметить, что речь идет о Ч.С. Пирсе (1839-1914), которого называли Кантом американской философии [1, С. 178], основоположника прагматизма и семиотики, введшего в философию термин «фанерон», предложившего концепцию «тихизма». Понятие «фанерона» родственно понятию «идея», но в смысле Дж. Локка (1632-1704), при этом Ч.С. Пирс не ставит «фанерон» в отношении к каким-либо реалиям, то есть «фанерон» – это идея, рассматриваемая только в рамках сознания и вне зависимости от связи с материальным миром, это чисто феноменологическое явление сознания [20]. Он также ввел в логику понятия «абдукции», «стрелки Пирса».

Пирс выделял три категории, как модусы сущего, по которым можно подразделить «фанероны» (первичность, двоичность и троичность), имеющие основополагающее значение для современной логики, т.е. науки о знаках. «Абдукция» есть познавательная процедура принятия гипотез, «стрелка Пирса»

– бинарная логическая операция, булева функция над двумя переменными, а «тихизм» – учение Пирса о господстве случая во Вселенной. В частности, доктрина «тихизма» исходит из существования элемента абсолютной случайности в устройстве Всемирного Космоса; этот фактор играет главную роль в эволюции, в условии обладания Космосом свободой выбора законов. Только его величество «Случай» определяет разнородность и разнокачественность вещей этого мира, и именно саморазвитие мира в рамках случая приводит к его устойчивости. Таким образом, академик и ссыльнопоселенец – бывший профессор психологии Киевской духовной Академии и Государственной Академии Художественных Наук – обсуждали комментарии американского исследователя к аристотелевской философии за месяц до начала войны.

Возвращаясь к тексту цитируемого источника совершенно очевидно, что академик ведет речь о весне 1941 г., т.е. о марте-мае 1941 г., когда книги у него были взяты И.П. Четвериковым для выяснения греческих текстов, т.е. весьма кропотливой и трудоемкой глубоко научной работы, которую систематически осуществлял для него Иван Пименович. Допустимо предположить, что и сама полученная от В.И. Вернадского работа должна была быть тщательно сделана в сроки не менее месяца. Над книгой И.П. Четвериков работал в месте своего поселения – Малоярославце и когда началась война, и в период кратковременной оккупации города. Вся эта выявленная и реконструированная хронология предвоенных и военных событий жизни очень важна для дальнейшего понимания событий в жизни И.П. Четверикова.

Следует учесть тот факт, что в результате крупных потерь, в начале войны вследствие гибели и пленения в личном составе РККА Постановлением ГКО № 459 от 11.08.1941 г. была объявлена дополнительная мобилизация [25], когда были призваны остатки возрастов 1918-1905 г.р. обеих категорий, а также был поднят весь ресурс военнообязанных 2-го разряда запаса 1904-1895 г.р.

Всего с начала войны к 1.10.1941 в ряды РККА, включая тыловое ополчение, были призваны группы военнообязанных 24 возрастов от 1918 до 1895 гг. рождения включительно, а иногда и до 1890 г рождения, что составило свыше 14 миллионов человек. Но и по этим дополненным данным предельный возраст призывников СССР в РККА в июне 1941 г. был не старше 51 года. Следовательно, в данную категорию мобилизационного набора И.П. Четвериков не мог попасть ни при каких обстоятельствах просто по своему анкетному возрасту (61 год), который на 10 лет превышал возраст официального призыва РККА, не говоря об ограничениях в связи с его социальным статусом «социально чуждого» элемента.

И здесь следует внести дополнительную ясность об отношении Советской власти к так называемым ею «врагам народа» (это якобинский термин!) в 1930-е годы. Первыми «козлами отпущения» за экономические неудачи Советской власти и связанные с ними лишения, порожденные падением уровня жизни, стали специалисты всех областей промышленности и науки, тут же переименованные большевистской прессой в «буржуазных». Они были не только лишены продуктовых карточек, элементарного доступа к врачам, но иногда просто изгнаны из своих квартир и домов. В 1929 г. тысячи чиновников Госплана, Наркомфина, Наркомзема, Автопрома, Комиссариата по торговле были уволены по причине их, якобы, «правого уклона», ложного саботажа или выдуманной принадлежности к «социально чуждым элементам», вина которых состояла лишь в том, что они усердно и успешно работали в дореволюционной России.

Под волну этой кампании попал и И.П. Четвериков, работавший в ГАХН (1930) [22], Ярославском пединституте (1930) [11, С. 136], в секторе ЦАНИИ (1932-1933) [29] (работал профессором психотехники), т.е. в Центральном автоэксплуатационном научно-исследовательском институте, носившем это название в 1932-1939 гг. Это было уже третье наименование научного института.

Первое его название ЦИАТ – Центральный институт автомобильного транспорта, было дано Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР в системе Цудортранса – Центрального управления дорожного транспорта СССР (1930-1931). Затем институт был переименован в НИИАТ (1931-1932), то есть в Научно-Исследовательский институт автомобильного транспорта. В 1930-е гг. институт выпустил ряд важнейших методических пособий по психотехнике труда водителя (например, «Диспетчерская система на автомобильном транспорте», «Методика тренировки шоферов на автотренажерах»). Это было последнее место работы Ивана Пименовича перед его арестом ОГПУ в феврале 1933 г. [29].

В октябре 1929 г. постановлениями ЦИК и СНК СССР в перечень поражения включили право носить почетные звания и даже – родительские права. Затем была отобрана возможность получать пенсию и пособие по безработице [3]. В СССР людей, лишенных большинства гражданских прав, повсеместно считавшихся «членами прежнего класса имущих и царского аппарата», было зафиксировано более 30 категорий «лишенцев» [24], к ним относились бывшие землевладельцы, бывшие торговцы, бывшие кулаки, бывшие «частники», а также «религиозники», т.е. служители культа – архиереи и священники, монашествующие, и как показывает «случай» И.П. Четверикова – бывшие профессора духовных академий. Шло разделение общества на

противников и сторонников режима. Возникали и искусственно поддерживались режимом такие группы, которые ранее не существовали, например, спецпереселенцы не имели аналогов в дореволюционном обществе, а просуществовали в сталинском с 1930 по 1955 гг., то есть четверть века [16]. Не имели они аналога и в мировой правовой практике.

«Лишенцам» было не дозволено «занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном». Они не имели право получать пенсию и пособие по безработице; им не позволялось вступать в профессиональные союзы, в то же время не члены профсоюза не допускались в руководство советских промышленных предприятий и организаций. Такая искусственная маргинализация приобрела колоссальные размеры и стала органическим сопутствующим элементом репрессий и одним из способов решения политических и экономических проблем (создание системы принудительного труда) [16]. Дискриминационные меры, жертвами которых стали лишенцы, представлявшие в 1932 г. 4% избирателей, составлявшие вместе с их семьями 7 миллионов человек, не ограничивались лишением избирательных прав. В 1929-1930 гг. их лишили права на жилье, на медицинское обслуживание и на продуктовые карточки. В 1933-1934 гг. были приняты еще более строгие меры, возникшие в ходе паспортизации, направленной на чистку городов от «деклассированных элементов».

При этом речь шла, по мнению того же В.И. Вернадского, не об отбросах общества без роду и племени, без образования и профессии, но о научно образованных ученых, как Фохт, Четвериков и пр. [5, С. 298]. Он писал об Иване Пименовиче, что тот работает в самых тяжелых условиях, живя в Малоярославце, на положении ссыльного, появляясь наездами в Москве.

Из «Дневника» В.И. Вернадского, зафиксировавшего слова И.П. Четверикова, очевидно, что его [И.П. Четверикова – примечание П.С.] явно спутали с кем-то другим, но грубо (он [И.П. Четвериков – примечание П.С.] человек относительно робкий – сделан таким жизнью) отказались с этим считаться [6; с. 345-346]. Речь идет о незаконном аресте, сфальсифицированном уголовном деле (1933), незаконной высылке в Казахстан (1933-1936) и последующем поражении И.П. Четверикова в правах (1936-1941) как гражданина СССР. Опять бессмысленное и опасное, никому не нужное страдание [2, Л. 4-5об], а конечный результат подобного рода кадровой сталинской политики таков, что бездарности...царят в нашей философии [6, С. 345-346], заключает академик Вернадский.

Таким образом, политика репрессий в полной мере коснулась положения И.П. Четверикова, создав для мыслителя такие катастрофические условия

существования, в которых он очутился в невозможном положении, при котором вся его огромная, по его словам, библиотека была потеряна в Киеве. Он, приезжая из Малоярославца к семье в Москву, жил по сути дела, скрываясь, осуществляя разовые заказы и работая, сколько возможно... для философских организаций [4, С. 351] Москвы. При этом жизнь его была собачья, – это надо иметь в виду, чтобы его оправдать – подытожил основатель мировой биогеохимии и философской теории «ноосферы», мыслитель «русского космизма» академик В.И. Вернадский.

Людей такого социального положения, как И.П. Четвериков, в Красную Армию не просто не призывали, они были опасны для нее в силу тех социальных ограничений, а, по сути дела, публичных издевательств и унижений, какими была каждодневно наполнена их жизнь, и также в силу своего ума и жизненного опыта успешных людей в царской России.

Более чем сомнительная версия о мобилизации И.П. Четверикова в РККА, по сути, исторический домысел, была впервые написана эмигрантом Н.М. Зерновым в сборнике «Русские писатели эмиграции», где указывалось: «Профессор Киевской Академии. Ссылки и тюрьмы при советской власти. В 1941 г. мобилизован в Красную Армию. По окончании войны остался в Германии» [12, С. 144].

Как мог прошедший ссылки и тюрьмы «враг народа» – философ, богослов и психолог, никогда не служивший ни в каких войсках, включая царские времена – в возрасте 61 года быть призванным в действующую Красную Армию, Н. Зернов не уточняет, как не дает и источников этой удивительной по своему незнанию СССР и принципов мобилиционного набора в ряды Красной Армии начала 40-х гг. XX в. версии. Фантастическая гипотеза эмигранта опровергается сведениями о социальном статусе ссыльнопоселенцев, лишенных Советской властью права служить в армии, принципом мобилиционной политики РККА в военный период и возрастным критерием набора, не говоря уже о вышеприведенных сведениях академика В.И. Вернадского.

Следует подчеркнуть, что вся заметка в книге Н.М. Зернова [12, С. 144] о И.П. Четверикове грешит неточностями:

- Дата рождения Четверикова указана Зерновым как 10 января, а фактическая дата его рождения 6 января, по старому стилю.
- Зернов пишет: «Ссылки и тюрьмы при советской власти». А фактически ссылка у И.П. Четверикова была всего одна по приговору Коллегии ОГПУ СССР от 27/04/1933 с обвинением «вел нелегальную подготовку антисоветских кадров из церковников» по ст.58–11 УК РСФСР и

приговором «3 года высылки в Казахстан». В тюрьмах он также не сидел, а в период следствия содержался в Бутырском изоляторе.

- Зернов пишет о Четверикове: ««одно время преподавал в Богословском Институте в Париже» но нет ни дат преподавания, ни должности преподавателя.

Из переписки архим. Киприана Керна протопресвитером В. Виноградовым установлено, что И.П. Четвериков читал лекции по догматическому богословию в качестве приглашенного профессора Парижского Свято-Сергиевского богословского института. В его письме от 14 (27) июня 1957 г., указано, что из Киевских жив И.П. Четвериков, несколько лет читавший лекции и у нас [28, С. 98], который работал в институте в период 1953-1954 гг. [21, С. 122, 554]. Почти на этот же период времени (1946-1955) приходится издание нескольких православных брошюр И.П. Четверикова в Германии.

•Главный богословский труд И.П. Четверикова – его магистерская диссертация «О Боге, как Личном существе» у Зернова не имеет никаких библиографических данных – Места, года и названия типографии издания [12, С. 144].

Между тем он был издан в 1903 г. в Киеве, в типографии Н.А. Гирит как «богословско-философское исследование».

Однако, в другом более современном зарубежном издании (Москва-Париж, издательство Русский путь – YMCA-PRESS) серии «Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (автор – Антуан Нивьер) биография Ивана Пименовича предстает еще более невероятно-захватывающей и еще более не имеющей никакого отношения к исторически выявленным и документально подтвержденным фактам его реальной биографии.

Эта книга, содержащая удивительную в отношении И.П. Четверикова информацию о его жизни, также представляет собой биографический справочник под названием: «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе (1920-1995).

Судя по всему, это добротный труд, но биографическая заметка в нем об И.П. Четверикове может служить образцом современного «научнообразного» мифотворчества [18, С. 539]. Сопоставление данных, написанных в этой заметке эмигрантской биографии ученого и выявленных настоящим исследованием документальных фактов, проявило в заметке немало неверных сведений:

- Дата рождения И.П. Четверикова у Нивьера – 19 января, а фактическая дата его рождения 6 января (по старому стилю).
- А Нивьер пишет, что И.П. Четвериков был из семьи духовенства, а фактически он родился в семье конторского служащего Тульского Оружейного Завода.
- А Нивьер пишет, что И.П. Четвериков работал как «профессор Дерптского (Тартуского) университета (1922-1944)».
- Далее А. Нивьер пишет о том, что И.П. Четвериков работал как «профессор Ташкентского университета (1918-1922 гг.)».

Фактически же в годы жизни И.П. Четверикова не существовало Дерптского университета, а был Юрьевский университет (с 1893 г.), в котором с 1916 г. по 1917 г. Иван Пименович был приват-доцентом кафедры историко-филологического факультета (г. Тарту, Эстония). Там он преподавал психологию до переезда части Юрьевского Университета в Воронеж. Далее, в 1918 г. И.П. Четвериков был избран профессором историко-филологического факультета в Киевском Университете им. Св. Владимира в его филиал – Таврический Университет российского Крыма, где и проработал с 1918 по 1921 гг.

Высшее учебное заведение в Ташкенте в указанный в заметке Нивьера период называлось в 1918-1919 гг. – Народным университетом, а с 1920 по 1922 гг. – Туркестанским университетом. Никакого Ташкентского университета в вышеозначенный период не существовало и в помине.

Также, фактически копируя А. Нивьера, тиражируется ложная информация о том, что И.П. Четвериков работал как профессор Ташкентского университета (1918-1922), затем был выслан из СССР и поселился в Эстонии, став на 20 лет профессором Дерптского (Тартуского университета) (1922–1944), например, Культурным центром «Дом-музей Марины Цветаевой» в Москве:

- ЧЕТВЕРИКОВ Иван Пименович (19 января 1880, Тульская губ. – 2 октября 1969, Штутгарт, Германия)... Профессор Ташкентского университета (1918–1922). Выслан из Советской России в 1922, поселился в Эстонии. Профессор Дерптского (Тартуского университета) (1922–1944). С 1944 жил в Германии [10].

В действительности в 1922 г. И.П. Четвериков стал заместителем заведующего Физико-Психологического отделения Государственной Академии Художественных Наук и Действительным Членом Академии с 1922 по 1930 гг. [26], будучи по совместительству сотрудником Ярославского педагогического института (с 1922). Очевидно, что, работая в нескольких местах, он никак не мог работать профессором несуществующего Ташкентского Университета в

1922 г. и тем более не мог быть «выслан из Советской России (1922 г.)». А также не мог «поселился в Эстонии» как «профессор Дерптского (Тартуского) Университета, не ведая репрессий и ссылки. Невероятность этой информации состоит в том, что преподавание в стенах Дерптского (Тартуского) Университета с 01.12.1919 г. шло только на эстонском языке, который И.П. Четвериков просто не знал. Представляется, что этот фактор был одной из немаловажных причин его увольнения с должности ординарного профессора Тартуского Университета весной 1918 г.

Поэтому преподавать там с 1922 г., по крайней мере, по 1940 г., русский богослов в силу своего незнания эстонского языка не мог. Русский язык стал на короткий срок обязательным в Университете г. Тарту в силу смены политической власти в республике: Эстония с 1940 г. перешла от демократической независимости к советской власти, уже в составе СССР, но в ходе немецкой оккупации (1941 г.) вошла в состав Третьего Рейха Германии (1941-1944 гг.), будучи, однако, освобождена от гитлеровского режима Советской Армией в ноябре 1944 г. При Советской власти в 1940-1941 гг. вуз переименовали в Тартуский государственный университет, началась его интенсивная советизация, одним из первых шагов которой стало закрытие богословского факультета наряду с введением русского языка в процесс обучения. Однако, во время немецкой оккупации русский язык был опять запрещен, а вуз продолжил деятельность в 1942-1944 гг. как Тартуский университет Эстонского самоуправления (Директората). Подробное рассмотрение всех этих этапов в данном исследовании призвано пролить ясный свет на факты, свидетельствующие о том, что русский богослов и психолог Иван Пименович Четвериков никоим образом не мог работать в стенах Дерптского (Тартуского) Университета с 1922 по 1944 гг.

Также биографический сборник А. Нивьера в отношении русского мыслителя сообщает явно неверную информацию о некоторых этапах его биографии, например, что И.П. Четвериков, якобы, «переехал в Германию (1944)» из охваченной войной прибалтийской республики, операция, по захвату которой РККА СССР была начата в середине 1944 г. Наличие подобных справочников, содержащих заведомо некорректную информацию, несет плохую службу русской науке и всему информационному пространству данных, претендующих быть научными.

Следует отметить, что А. Нивьер (1961 г.р.) – французский историк церкви и русской религиозной мысли, редактор, церковный деятель и преподаватель, профессор университета Нанси II. В 1987 г. в университете Париж IV-Сорбонна им защищена докторская диссертация на тему «Монахи имяславцы: богословский спор среди русских монахов на Афоне (1908-1914)».

К сожалению, его некорректная информация тиражируется без всякой верификации. Подобных примеров достаточно, например, ложная информация о мифической службе в Красной Армии 61-летнего ссыльнопоселенца, имеющего судимость по ст. 58 «Контрреволюционная деятельность» УК РСФСР (в редакции 1937 г.) русского богослова и психолога И.П. Четверикова уже распространяется. Она прошла в статьях ведущих научных сотрудников Российских университетов и информационных сайтах Интернет-пространства:

- Н.Ю. Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор кафедры Истории РПЦ богословского факультета ПСТГУ: подвергался арестам и ссылке. В 1941 г. мобилизован в Красную армию [27, С. 222].

Следует заметить, что арест И.П. Четверикова был в его жизни всего один [29; Л. 125] – в феврале 1933 г. [29; Л. 126]

- А.А. Корнилов [15; с. 69]: В годы войны служил в Красной армии.

Им дается ссылка: Четвериков Иван Пименович (1880-1969) / Религиозные деятели Русского Зарубежья. URL: http://zarubezhje.narod.ru/tya/ch_003.htm (Дата обращения: 14.02.2017). Правда, А.А. Корнилов оговаривается, что неясно, каким образом он попал в Вендлинген – был в немецком плену или еще каким-то образом [15, С. 70]. Тем не менее, он, не сомневаясь, цитирует эмигрантский сайт, который, в свою очередь полностью ссылается на (как это уже доказано) ошибочную информацию биографического сборника Н.М. Зернова.

- В.А. Мазилев [18, С. 160]: целый ряд вновь растиражированных мифов о И.П. Четверикове, например:

Миф первый.

В 1900 г. Окончил Киевскую духовную академию (далее – КДА), преподавал психологию в различных учебных заведениях. И после защиты магистерской в 1905 г. избран профессором КДА [18, с. 160].

На самом деле КДА Иван Пименович окончил в 1899 г. [8], что отражено не только в списке выпускников, но и в Формулярном списке Святейшего Синода (далее – Св. Синода) Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви о службе доцента Императорской духовной академии И.П. Четверикова. Список составлен на 01 июня 1916 г., т.е. в середине 2016 г. Иван Пименович был не профессором, а доцентом КДА.

В формуляре четко указано, что в 1899 г. он со званием студента поступил... в число студентов Императорской Киевской духовной академии, где обучался по исторической группе наук с 1895 по 1899 г. [22, С. 16], т.е. Иван

Четвериков окончил КДА в 1899, а не в 1900 г. Но после ее окончания, он не «преподавал психологию в различных учебных заведениях», хотя работал преподавателем. Окончивши курс Киевской Духовной Академии со степенью кандидата богословия И.П. Четвериков в 1899 г. был определен учителем Екатеринодарского епархиального училища [17, С. 159], а именно 21 августа 1899 г. [22, С. 16].

По прошествии чуть более трех месяцев его преподавательской деятельности приказом Обер-Прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева Иван Пименович получил гораздо более престижное определение – в Калужскую Духовную семинарию (9 декабря 1899 г.) на должность преподавателя сразу нескольких и более значимых церковных дисциплин: логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии, дидактики. Это тоже было отражено в Curriculum Vitae Св. Синода из данных которого следовало, что после Екатеринодарского епархиального училища И.П. Четвериков был определен преподавателем Калужской духовной семинарии (1899). Таким образом, все три информации о И.П. Четверикове являются ложными и не соответствуют архивным российским документам.

Миф второй.

В 1906-1908 гг. <...> на стажировке в Германии <...> работал у В. Вундта и Э. Гуссерля [18, С. 160]. Это тоже неверно, правда, только в отношении Э. Гуссерля, ибо не соответствует информации, предоставленной самим русским Четвериковым, который достаточно подробно описывал свою психологическую практику у лучших психологов мира того времени [14, С. 314].

Прискорбно также, что данная мифотворческая версия была отражена и в прекрасной статье М.С. Гусельцевой [9], вместе с мифом об окончании в 1900 г. Иваном Четвериковым КДА и мифом о его мнимом профессорстве в 1905 г. Вероятно, сыграл свою роль тот факт, что Иван Пименович изучал психологию в Геттингенском и Мюнхенском университетах в 1908 г., а в г. Геттингене в то время (1901-1916) действительно, практиковал Э. Гуссерль (1859-1938). Отсюда, возможно, возникла соблазнительная, но целиком ложная идея связать их жизненные пути.

«Ловушка для исследователей» здесь в том, что русский богослов занимался прикладной, практической психологией, а не философией, на которой тогда специализировался Эдмунд Гуссерль, который, к слову сказать, в 1908 г. и кафедры своей в Геттингенском университете не имел, будучи таким же рядовым преподавателем психологии, как и русский доцент Четвериков.

Мифотворцами биографии И.П. Четверикова забыт важнейший факт того, что Иван Пименович практиковался исключительно на экспериментальной,

«инструментальной», приборной психологии, чем Э. Гуссерль не только не интересовался, но и вообще не признавал. Это была базовая посылка гуссерлевской феноменологии в принципе. Нелишним будет указать на тот общеизвестный у биографов Гуссерля факт, что собственно к философии тот пришел из математической области, когда ему было за 32 года, начав с «Философии арифметики» (1891). А свой основной феноменологический труд «Философия как строгая наука» [30] Э. Гуссерль издал в 1911 г., и основан он был, прежде всего, на выявлении «не психологически понятой субъективности».

К этому времени И.П. Четвериков уже 3 с половиной года преподавал на кафедре психологии КДА курс общей и экспериментальной психологии, внедряя в жизнь все, чему он научился в школах В.М. Вундта (Лейпциг) и Г.Э. Мюллера (Геттинген).

В школе В.М. Вундта (1832-1920), профессора философии в Лейпцигском университете (1875), ныне считающегося «отцом» эксперимента в психологии и первой в мире (1879) лаборатории экспериментальной психологии, настаивали на том, что волевой элемент в процессе восприятия не подвержен никакому дальнейшему разложению [7]. Волевой акт считался в экспериментальной школе основным душевным актом, влияющим на психические процессы в человеке и обуславливающим творческий характер психической активности [14, С. 313].

Г.Э. Мюллер (1850-1834) был одним из первых исследователей, кто продолжил начатое Г. Эббингаузом (1850-1909) экспериментальное изучение высших психических функций, присущих человеку, добавив к изучению души интроспективный оттенок [32]. Вместе со своим помощником Фридрихом Шуманом он придумал «барабан памяти» [31], представлявший собою специально вращающийся цилиндр, который регулировал подачу нужного, для запоминания человеком материала. Создание этого инструментария имело колоссальное значение для эмпирической психологии, ибо способствовало повышению точности и объективности исследований проблем обучения и памяти. Физиологию Г.Э. Мюллер изучал в университетах Лейпцига, а потом Геттингена, где и проработал в течение всей своей 40-летней научной карьеры (1881-1921).

В годы практики Ивана Пименовича его лаборатория, привлекавшая многих студентов со всей Европы и из Соединенных Штатов, соперничала с Лейпцигской лабораторией Вундта.

Здесь важно подчеркнуть, что сама информация, на которую ссылается, в частности, В.А. Мазилев, почерпнута опять, по сути, из эмигрантского источника [23]. Правда со ссылкой на «Российское научное зарубежье», цена

достоверности информации которого оказалась крайне низкая, так же, как и иных эмигрантских биографических справочников, что уже в подробностях рассмотрено выше.

Список литературы:

1. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Издательство Логос, 2001. 344 с.
2. Архив Российской АН. Фонд 518. Оп. 3. Д. 1798. Л. 1.
3. Богомаз Т. Лишенцы – изгои в собственной стране. URL: <http://tvplus.dn.ua/pg/news/8/full/id=5132> (Дата обращения: 14.02.2017)
4. Вернадский В.И. Дневники. 1941-1943. М.: Издательство РОССПЭН, 2010. 570 с.
5. Вернадский В.И. Дневники: в 2 кн. Кн. 1. 1935-1941. М.: Издательство Наука, 2006. 444 с.
6. Вернадский В.И. Дневники: в 2 кн. Кн. 2. 1938-1941. М.: Издательство Наука, 2006.
7. Вундт В.М. Очерки популярной психологии. М.: Книговек, 2015. 484 с.
8. Выпускники Киевской Духовной Академии 1823–1869, 1885-1915. URL: www.petergen.com/bovkaloduhov/kievda.html (Дата обращения: 14.02.2017)
9. Гусельцева М.С. Изучение художественного воспитания в Государственной академии художественных наук (по материалам протоколов заседаний 1925-1929 гг.) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 4 (18). С. 11.
10. Дом-музей Марины Цветаевой. URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=> (Дата обращения: 14.02.2017)
11. Ермаков А.М. Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 30-х гг. и его последствия // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3-4. 2001. С. 135-143.
12. Зернов Н.М. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972. Boston: G.K. Hall & Co., 1973. 182 с.
13. Ивлев И.И. Особенности работы с архивными документальными материалами по ВОВ и документами военкоматов в целях создания, пополнения, изменения Книг Памяти. URL: <http://istorya.ru/forum> (Дата обращения: 14.02.2017)

14. Извлечение из журналов Совета Киевской дух. Академии за 1906-1907 учебный год // Труды Киевской Духовной Академии. 1907. № 6. С. 305-345.
15. Корнилов А.А. Деятельность Вендлингенской общины православных беженцев в послевоенной Германии // Вестник ПСТГУ. 2013. № 3 (52). 2013. С. 62-77.
16. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–конец 1930-х). Новосибирск: Издательство НГУ, 1998. URL: <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml> (Дата обращения: 14.02.2017)
17. Магистерский коллоквиум // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. Май. С. 159-173.
18. Мазилев В.А. Профессор В.С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 159-169.
19. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920-1995. Биографический справочник. М.: Париж: Издательство Русский Путь. ИМКА-Пресс, 2007. 576 с.
20. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Издательство Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ, Алетейя, 2000. 352 с.
21. Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института. СПб: ООО Издательство Росток, 2010. 710 с.
22. РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 685. Личное дело Ивана Пименовича Четверикова.
23. Сорокина М.Ю. Четвериков Иван Пименович // Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Издательство Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, 2010. С. 104-105.
24. Социально чуждые элементы. URL: http://studbooks.net/596584/istoriya/sotsialno_chuzhdye_elementy (Дата обращения: 14.02.2017)
25. Справочник офицера Советской Армии и Военно-Морского флота. М.: Военное издательство, 1966. 680 с.

26. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Четвериков Иван Пименович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 34-50.
27. Сухова Н.Ю. «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А.А. Дмитриевского...» (Письма киевлян к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Выпуск 1 (7). 2014. С. 215-242.
28. Сухова Н.Ю. «Не будучи от левитской лозы и от духовной школы, я всегда привык преклоняться перед нашим духовным сословием» // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Выпуск 3 (46). 2012. С. 71-122.
29. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Личное дело Ивана Пименовича Четверикова.
30. Husserl E. Philosophic als Wissenschaft. // Logos. 1910-1911.
31. Müller G.E. Theorie der Muskelkontraktion. Т. I. Берлин, 1891.
32. Müller G.E. Zur Grundlegung der Psychophysik. Берлин, 1879.

References:

1. Apel' K.-O. Transformacija filosofii. M.: Izdatel'stvo Logos, 2001. 344 s.
2. Arhiv Rossijskoj AN. Fond 518. Op. 3. D. 1798. L. 1.
3. Bogomaz T. Lishency – izgoi v sobstvennoj strane. URL: <http://tvplus.dn.ua/pg/news/8/full/id=5132> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
4. Vernadskij V.I. Dnevnik. 1941-1943. M.: Izdatel'stvo ROSSPJeN, 2010. 570 s.
5. Vernadskij V.I. Dnevnik: v 2 kn. Kn. 1. 1935-1941. M.: Izdatel'stvo Nauka, 2006. 444 s.
6. Vernadskij V.I. Dnevnik: v 2 kn. Kn. 2. 1938-1941. M.: Izdatel'stvo Nauka, 2006.
7. Vundt V.M. Oчерки популярной психологии. M.: Knigovek, 2015. 484 s.
8. Vypuskniki Kievskoj Duhovnoj Akademii 1823–1869, 1885-1915. URL: www.petergen.com/bovkalo/duhov/kievda.html (Data obrashhenija: 14.02.2017)
9. Gusel'ceva M.S. Izuchenie hudozhestvennogo vospitanija v Gosudarstvennoj akademii hudozhestvennyh nauk (po materialam protokolov zasedanij 1925-1929 gg.) // Psihologicheskie issledovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2011. № 4 (18). S. 11.
10. Dom-muzej Mariny Cvetaevoj. URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=> (Data obrashhenija: 14.02.2017)

11. Ermakov A.M. Razgrom prepodavatel'skih kadrov Jaroslavskogo pedinstituta v nachale 30-h gg. i ego posledstvija // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2001. № 3-4. 2001. S. 135-143.
12. Zernov N.M. Russkie pisateli jemigracii: Biograficheskie svedenija i bibliografija ih knig po bogosloviju, religioznoj filosofii, cerkovnoj istorii i pravoslavnoj kul'ture: 1921-1972. Boston: G.K. Hall & Co., 1973. 182 s.
13. Ivlev I.I. Osobennosti raboty s arhivnymi dokumental'nymi materialami po VOV i dokumentami voenkomatov v celjah sozdanija, popolnenija, izmenenija Knig Pamjati. URL: <http://istorya.ru/forum> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
14. Izvlechenie iz zhurnalov Soveta Kievskoj duh. Akademii za 1906-1907 uchebnyj god // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii. 1907. № 6. S. 305-345.
15. Kornilov A.A. Dejatel'nost' Vendlingenskoj obshhiny pravoslavnyh bezhencev v poslevoennoj Germanii // Vestnik PSTGU. 2013. № 3 (52). 2013. S. 62-77.
16. Krasil'nikov S.A. Na izlomah social'noj struktury: Marginaly v poslerevoljucionnom rossijskom obshhestve (1917–koniec 1930-h). Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 1998. URL: <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
17. Magisterskij kollokvium // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii. 1905. Maj. S. 159-173.
18. Mazilov V.A. Professor V.S. Filatov kak osnovatel' jaroslavskoj psihologicheskoi shkoly // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 5. S. 159-169.
19. Niv'er A. Pravoslavnye svjashhennosluzhiteli, bogoslovy i cerkovnye dejateli russkoj jemigracii v zapadnoj i central'noj Evrope. 1920-1995. Biograficheskij spravocnik. M.: Parizh: Izdatel'stvo Russkij Put'. IMKA-Press, 2007. 576 s.
20. Pirs Ch.S. Logicheskie osnovanija teorii znakov. SPb.: Izdatel'stvo Laboratorija Metafizicheskikh Issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU, Aletejja, 2000. 352 s.
21. Prepodobnyj Sergij v Parizhe: istorija Parizhskogo Svjato-Sergievskogo Pravoslavnogo Bogoslovskogo Instituta. SPb: OOO Izdatel'stvo Rostok, 2010. 710 s.
22. RGALI. F. 941. Op. 10. D. 685. Lichnoe delo Ivana Pimenovicha Chetverikova.
23. Sorokina M.Ju. Chetverikov Ivan Pimenovich // Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlja biobibliograficheskogo slovarja. Vyp. 2. [Pilotnyj]: Psihologicheskie nauki: XIX – pervaja polovina HH v. / Avt.-sost. N.Ju. Masolikova, M.Ju. Sorokina. M.: Izdatel'stvo Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A.I. Solzhenicyna, 2010. S. 104-105.
24. Social'no chuzhdye jelementy. URL: http://studbooks.net/596584/istoriya/sotsialno_chuzhdye_elementy (Data obrashhenija: 14.02.2017)

25. Spravochnik oficera Sovetskoj Armii i Voenno-Morskogo flota. M.: Voennoe izdatel'stvo, 1966. 680 s.
26. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Chetverikov Ivan Pimenovich: dannye biografii #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 4. S. 34-50.
27. Suhova N.Ju. «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А.А. Дмитриевского...» (Pis'ma kievljan k A.A. Dmitrievskomu) // Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii. Vypusk 1 (7). 2014. S. 215-242.
28. Suhova N.Ju. «Не будучи от левицкой ложи и от духовной школы, я всегда привык преклонять ся перед нашим духовным сословием» // Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vypusk 3 (46). 2012. S. 71-122.
29. CA FSB RF. D. R-27416. Lichnoe delo Ivana Pimenovicha Chetverikova.
30. Husserl E. Philosophic als Wissenschaft. // Logos. 1910-1911.
31. Müller G.E. Theorie der Muskelkontraktion. T. I. Berlin, 1891.
32. Müller G.E. Zur Grundlegung der Psychophysik. Berlin, 1879.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/chetverikovip.php>

Сведения об авторе:

Сизинцев Павел Васильевич, аспирант кафедры богословия, Московская духовная академия (Россия)